

МОРСКИЕ ПОВЕСТИ

ОЛЕГ СПИЦЫН

ГРОМОВАЯ ЛУНА

*над бушующей
Бездной*

Морские повести

Олег Спицын

**Громовая Луна над
бушующей Бездной**

«Автор»

2026

Спицын О.

Громовая Луна над бушующей Бездной / О. Спицын — «Автор»,
2026 — (Морские повести)

Бескрайние просторы Тихого океана. Бездонная Марианская Бездна, а над ней — безумный тайфун. Борьба с ним отнимает все силы, но вдруг внутри стального тела подводной лодки возникает опасный пожар... Смогут ли Бенгалик и его флотские товарищи, казалось бы, обречённые на гибель, найти выход из кремешного ада под Громовой Луной? История о цене тяжёлого труда, подвига и о слезах души, что остаются невидимыми в солёной воде океана.

© Спицын О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть №5	5
Пролог. Штормовая часть саги	5
Глава 1. Японское море. «Нептуны» и «Орионы». Четвёртый индикатор «Наката»	7
Глава 2. Восточно-Китайское море. Хитроумный помощник и мучения команды	11
Глава 3. Штормовое Филиппинское море. Начало шахматных приключений	15
Глава 4. Ловушка Шпилера в варианте Дракона. Надёжная Защита Двух Коней	21
Глава 5. Великолепная семёрка. Вопросы киноискусства. Ветер Странствий	24
Глава 6. Театральная и Холодильная. Эшелон на восток. Синдбад-мореход	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Громовая Луна над бушующей Бездной

Повесть №5

Пролог. Штормовая часть саги

*Над Бездною Рока лишь вихри поют,
Там властвует холод, неистов и лют,
На дне её – камни и чёрная ночь:
Сорвись – и никто уж не сможет помочь!*

*Нам Колесо Судьбы не повернуть назад:
Одним путь – на Небо, другим – прямо в Ад.
От жизни мы терпим за ударом удар,
Но Вечная Тьма для нас – сплошной кошмар!*

Строки из песни «Над Бездной» (авторы песни: Олег Спицын – Алексей Спицын), альбом №9 «Повелитель стихий»

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается пятая часть саги «Морские повести» под названием «Громовая Луна над бушующей Бездной». Даже само название книги намекает на то, что она самая «штормовая» из всей пятёрки опубликованных. Причём, начиная с относительно неторопливого начала повести и по мере развития сюжета, «бури» и «грозы» будут раскачивать и сотрясать её героев всё круче и опаснее, пока на страницах книги дело не дойдёт до кульминационных, чрезвычайно экстремальных событий.

А вообще, в повести ведутся две сюжетные линии: призывная эпопея главного героя саги и рассказ о дальнем походе в безбрежные просторы Тихого океана советской подводной лодки Б-397, входившей в состав легендарной 19-й бригады подводных лодок Тихоокеанского флота. Как читатели должны помнить из повести №4, эта лодка от моряков бригады получила прозвание «Гвардейской» и «Дважды Краснознамённой», а весь её дальний поход пришёлся непосредственно на пик сезона чудовищных по силе тропических тайфунов.

По этим причинам сюжет повести №5 очень разнообразен по содержанию. Он повествует читателям о метаморфозах сознания героев описываемых событий, о преодолении ими огромных пространств, о мгновенных переходах из одного времени в другое, о пророческих знаменениях Небес, о резкой смене жизненных приключений, связанных с этими знаменениями, и о болезненных, предательских ударах судьбы.

К тому же пятая часть саги, лично для меня, оказалась из всех её частей самой сложной ещё и тем, что мне пришлось коснуться тогдашней мировой геополитической обстановки и расклада военно-морских сил на просторах Тихого океана. А ещё, исходя из своих скромных знаний, хотя бы вкратце поведать читателям о противолодочной авиации США и некоторых особенностях тактико-технических характеристик её поисковой аппаратуры.

Также я уделил некоторое внимание публицистическим вопросам, касающимся массовой музыкальной культуры, художественной литературы и киноискусства, а также спортивным состязаниям, которые были популярны среди моряков советского подводного флота. О спортивных соревнованиях рассказывалось в повести №4 и будет подробно рассказываться в повести №6, но в данной книге речь идёт в основном о шахматных состязаниях, проведённых

в дальнем плавании среди экипажа подводной лодки Б-397. Естественно, эта тема наиболее сложная из всех других спортивных тематик, так как по ходу повествования мне пришлось несколько углубиться в теорию такой сложной интеллектуальной игры, как шахматы.

Со времён службы я сочинил ряд песен, посвящённых морю и флоту, а теперь ещё работаю и над этим прозаическим произведением из шести повестей, которое, кроме описания флотских приключений его героев, включает в себя и стихотворные вставки из моих песен. Фрагменты песен значительно расширяют саму тему моря и флота, касаясь различных аспектов человеческой жизни. Они присутствуют во всех частях саги в виде эпитафий и послесловий.

Что касается «Громовой Луны», то в ней и наибольшее количество таких вставок – 26. По этому показателю она один в один сравнялась со всеми четырьмя предыдущими частями саги, вместе взятыми. Ниже приведён список песен, откуда эти вставки позаимствованы и какое их количество из той или иной песни вошло в данную повесть.

«Вольный Край» – 3, «Верные друзья» – 3, «Над Бездной» – 2, «Повелитель стихий» – 2, «Сбился с курса Бриг» – 2, «Звёздная ночь» – 2, «Тайфун пришёл с востока» – 2, «Перископ, оставляя след» – 1, «Ветер Странствий» – 1, «Синдбад-мореход» – 1, «И гром гремит над головой» – 1, «Жарсодия» – 1, «Иуды» – 1, «Странники Вселенной» – 1, «Пусть нас всегда хранит Всевышний» – 1, «Русская рулетка» – 1, «Возвращение с Похода» – 1.

И последнее: фамилия первого флотского начальника главного героя саги, командира учебной роты радиометристов Учебного Отряда Подплава, старшего лейтенанта Неделина, который появляется на страницах данной книги, приведена без изменений, так же как и фамилия капитана второго ранга Шелковенко, командира подводной лодки Б-397.

Ну что ж, уважаемые читатели, с прологом мы заканчиваем и переходим непосредственно к повествованию. Хотя я и пишу каждую повесть данного литературного цикла как отдельное, самостоятельное произведение, но всё равно для лучшего понимания сути описываемых событий желательно, чтобы до прочтения этой книги вы прочитали все четыре предшествующие ей опубликованные части саги, начиная с повести «Затмение Цветочной Луны».

Глава 1. Японское море. «Нептуны» и «Орионы». Четвёртый индикатор «Наката»

*Наша лодка, подводный корабль,
В этих южных, чужих нам морях,
Как клинка смертоносного сталь,
Нагоняет здесь трепет и страх.
За кормою – простор голубой,
Впереди лишь туманная мгла.
Мы недавно узнали с тобой:
Этот мир полон зла!*

Строки из песни «Перископ, оставляя след», альбом №1 Олега Спицына «Железные Ангелы». Песня автором саги написана и исполнена по мотивам песенного фольклора бардов Тихоокеанского флота времен Советского Союза

Конец весны 1976 года. Субтропическая майская ночь вновь опустилась на акваторию Японского моря. Советская подводная лодка Б-397, всплыв на поверхность, идёт на дизелях, попутно заряжая аккумуляторные батареи. Лодка держит курс к недалёкому Корейскому проливу, но, когда она будет проходить этот пролив, через какой из двух его проходов и в каком положении – никто в команде не знает.

Возможно, и основной офицерский состав этого не ведаёт: командир Б-397 Шелковенко и замкомбриг Корицкий, хоть многое и планируют заранее, но особо важные решения всегда принимают либо в соответствии с приказами командования флота, либо исходя из конкретно сложившейся ситуации. А все остальные члены экипажа должны знать лишь то, что в данный момент нужно и важно для поддержания живучести подводного корабля и его бесперебойной жизнедеятельности.

Час назад на лодке была объявлена боевая готовность два надводная. На боевых постах несут вахту специалисты первой смены. Бенгалик, одетый в лёгкую тропическую униформу салатового цвета, сидит в наушниках в рубке метристов напротив станции «Накат», наблюдая на её четырёх круглых видеомониторах за появляющимися сигналами РЛС, прослушивая их и классифицируя.

Пусть Б-397 в настоящее время и проходит воды, по международным правилам считающиеся нейтральными, позволить недругам себя заранее обнаружить, тем более определить курс, – для советской подлодки крайне нежелательно. Обнаружение сразу поставит боевые задачи экипажа под угрозу срыва. Вот Б-397 и всплывает только в тёмное время суток, а её вахтенному метристу, который, по сути, является её всевидящими глазами, во время надводного положения подлодки надо всё время быть начеку.

На двух индикаторах «Наката» раз за разом возникают монотонные, продолжительные сигналы различной частоты нескольких станций. На третьем экране пока что появляется только один сигнал, и то лишь временами, и всякий раз через более длительный промежуток времени, чем на двух более активных мониторах. Его импульс в наушниках прослушивается как скрип старой половицы в некой сказочной избушке на курьих ножках.

А вот четвёртый индикатор станции постоянно пребывает в таинственной темноте. За всю неполную неделю похода на нём так ещё и не проскочило ни одного сигнала. Возможно,

он появлялся во время вахты Анатолия Еремеева, но сменщик об этом ничего не докладывал ни своему командиру отделения, ни командованию на Мостик и на все вопросы Алика отвечал отрицательно.

Постоянно тёмный четвёртый индикатор и вызывает у вахтенного метриста наибольшее беспокойство. Повторяющиеся сигналы на прочих мониторах его перестали волновать. Он в первые же дни появления этих импульсов РЛС быстро классифицировал их носителей и понял, что ни один из них не представляет для советской подлодки серьёзной опасности, так как все они не имеют военного назначения. Бенгалик на Мостик об этом так и доложил. Но если на четвёртом индикаторе вдруг появится импульс, то он вполне может оказаться сигналом РЛС самых опасных противников Б-397 – противолодочных самолётов авиации ВМС США. О двух из них расскажем здесь подробно.

Первый противник, «Нептун», являлся базовым патрульным самолётом ВМС США уже более двух с половиной десятилетий. Он был создан американцами для борьбы с подводными лодками ещё в конце сороковых годов XX века. Самые ранние его модификации к началу шестидесятых годов прилично устарели, потеряв свою эффективность, и поэтому уже к середине шестидесятых военно-промышленный комплекс США наладил серийный выпуск более современных моделей.

Эти самолёты имели более совершенные характеристики по сравнению с прежними моделями, но и они, начиная с начала семидесятых годов, стали постепенно вытесняться «Орионами» – самолётами, оказавшимися более эффективными в борьбе с подводными кораблями стран-противников США.

Р-3А – первая модификация «Ориона» – тоже была принята на вооружение морской патрульной авиацией Америки в начале тех же шестидесятых годов XX столетия. Однако в последующие годы «Орион» постоянно совершенствовался. В конце шестидесятых в морскую авиацию США уже началось поступление самолётов модификации Р-3В, а в середине семидесятых в небе над Тихим океаном появились и крылатые машины модификации Р-3С.

Они были оснащены самым современным оборудованием для поиска и обнаружения подводных лодок. В их поисковое вооружение входили мощные РЛС, вместо кругового обзора в основном использующие прямой секторный, а в дополнение к ним «Орион» был оснащён и более эффективным, чем на прежних моделях, гидроакустическим комплексом.

Он мог одновременно принимать и мгновенно обрабатывать данные, поступающие на него от нескольких десятков сброшенных в море акустических буёв. «Орион», обнаружив с помощью РЛС подлодку, находившуюся в надводном положении, начинал разбрасывать эти буи вокруг места её погружения и, постоянно получая от них информацию о курсе «жертвы» под водой, стремился её не упустить. Во время погони за лодкой пилоты по радиосвязи вызывали на помощь ближайшие противолодочные корабли многочисленного американского флота.

Вот этот стальной стервятник Тихоокеанского флота ВМС США и являлся для Б-397 злейшим врагом из всех существующих. Обнаружить его на безопасной для лодки дистанции могли только представители боевого поста Р-32, своевременно засекая с помощью чуткой станции «Накат» самые первые сигналы, излучаемые радаром «Ориона». Поэтому читатели, прочитав всё вышенаписанное, могут понять, какая большая ответственность за боевую и навигационную безопасность Б-397, идущей в надводном положении, лежала на плечах вахтенных радиометристов.

Об «Орионе» Бенгалик впервые узнал ещё в Учебном Отряде на занятиях по специальности, которые для курсантов-метристов проводил капитан третьего ранга Яковлев. Алику,

как и всем курсантам его призыва, очень повезло с этим офицером-преподавателем, ведь тот практически всю свою службу провёл в морях на дизельных подлодках проектов 611 и 641.

Этот моряк, служивший на Тихоокеанском флоте сначала командиром БЧ-4 и РТС, а затем старпомом подводного корабля, несколько раз ходил в дальние океанские плавания. В походах его подлодка часто оказывалась поблизости от кораблей и самолётов Тихоокеанского флота США, и он мог наблюдать за действиями противников СССР в режиме реального времени. Поэтому преподаватель Бенгалика (и всех его сослуживцев) обладал реальным опытом в морском деле, а не одними только теоретическими знаниями по преподаваемой им дисциплине.

И вот что он однажды рассказал на одном из своих занятий.

– Сегодня у нас интересная тема – противолодочный самолёт «Орион», – начал Яковлев своим негромким голосом, который никогда не повышал, даже будучи кем-то или чем-то недоволен. – Я думаю, это самый опасный из всех ваших будущих противников. – Он на несколько секунд замолчал и, обведя внимательным взглядом всю многочисленную смену курсантов-метристов, мгновенно насторожившуюся при таком интригующем начале, продолжил «интересную тему»:

– Последняя модель этой машины сконструирована довольно умело. Её экипаж состоит примерно из десятка операторов, она имеет великолепные маневренные характеристики, поисковая скорость – примерно 200 морских миль в час, максимальная – не менее 420 миль, продолжительность полета доходит до 20 часов. Можете представить, какое огромное расстояние может заразить эта «хищная птичка»?

Яковлев снова обвёл взглядом всю смену, на этот раз вопросительным, и продолжил занятие:

– Насколько стало известно, «Орион» для борьбы с подлодками вооружён двумя РЛС, а также новейшей гидроакустикой с многочисленными буями и удобной телевизионной системой. Ещё на его вооружении находятся самонаводящиеся торпеды, глубинные бомбы, мины и прочая пакость, но для нас с вами она важна постольку поскольку...

Далее капитан третьего ранга об этом самолёте говорил практически то же самое, что автором саги уже написано выше, а в финале того занятия своим тихим насмешливым голосом окончательно добил ошеломлённых курсантов:

– И вот, значит, летит этот самолет над просторами Тихого океана, и вдруг его операторы видят на экранах РЛС маленькое пятнышко. Они переводят это «пятнышко» на телевизионный монитор с перекрестием, как в прицеле снайперской винтовки, и видят на нём что?.. Да, конечно, силуэт подводной лодки! После чего они сразу же выключают излучение РЛС, чтобы метристы лодки не смогли засечь их сигналы и классифицировать по ним носителя, затем по затухающим на мониторах изображениям определяют пеленг и дистанцию до цели. А когда, по их расчетам, «Орион» к ней подлетит близко, то излучение ими включается на полную...

Яковлев замолчал и некоторое время с загадочным видом разглядывал сумрачных курсантов-метристов. Потом почти шёпотом спросил сразу всех:

– Можете себе представить, что в случае такого электромагнитного шторма может произойти с чувствительными детекторами «Наката»? Правильно, товарищи курсанты, они могут выйти из строя, в результате чего лодка становится слепой, ведь «Накат» больше не может уловить никаких радиолокационных сигналов.

Морской волк, произнеся последнюю фразу негромким голосом, некоторое время пребывал в молчаливой задумчивости, видимо, вспомнив нечто для него неприятное, а потом уже своим обычным голосом закончил занятие такими словами:

– Так что, друзья мои, вам всем настоятельно советую: давайте будем ответственнее изучать свою основную специальность, а попав на действующий подводный флот, не упускать ни одной, даже самой малейшей возможности в ней совершенствоваться. А на корабельных вах-

тах вы обязаны никогда не терять бдительности, иначе придут кранты и вашей лодке, и вам вместе с ней. Всем ясно? А то я гляжу, некоторые из вас тут больше спят, чем слушают...

Правдивыми были слова Яковлева о коварных штучках «Ориона», или он, как это частенько бывает на флоте, просто прикалывался над зелёными салажатами, этого Бенгалик не знал, но, как теперь уразумел главный герой саги, истории бывалого моремана действительно заставили всех курсантов-метристов девятой роты УОПП с большим усердием изучать свою основную специальность.

Что касается самого Алика, то он это усердие в себе усиленно культивировал, а уже в этом походе, помня последний совет Яковлева, старался на вахтах бдительности не терять. Б-397 вроде бы без особых приключений идёт уже по южной части Японского моря, приближаясь к Корейскому проливу, но вахтенный метрист должен быть всё время начеку.

Благодушие во время боевой службы ни к чему хорошему не приведёт, ведь опасность подлодке грозит с любой стороны света: и с запада, и с востока, и с севера, и с юга. Она может прилететь с тёмного неба, нагрянуть с невидимой в ночи суши, накатить с волной из открытого моря, заявиться из таинственных морских глубин. Даже наброситься на лодку с каких-нибудь далёких маленьких островков.

Врагов у советской страны много, они коварны, сильны и, как дикие звери, безжалостны. Чрезмерно расслабишься – и тут же на твою лодку навалится целая эскадра противолодочных кораблей, или какой-нибудь злобный «Орион» внезапно налетит на неё, подобно шквалу, обрушивая на жертву электромагнитные громы и молнии.

Вот, к примеру, что за новый сигнал появился сейчас на третьем индикаторе? В наушниках он прозвучал как отдалённый раскат грома. Он прилетел откуда-то с запада, со стороны Южной Кореи. А ведь там полным-полно американских баз, поэтому необходимо срочно определиться с его носителем! Так... похоже, сигнал корабельный. Возможно, корабль военный, но для серьёзного беспокойства пока причин нет. Хорошо, если это действительно так, но доложить на Мостик надо. А когда же на четвёртом экране что-нибудь появится?

Через полтора часа на БП Р-32 произошла смена вахтенных метристов. Перед уходом с боевого поста на заслуженный отдых Бенгалик бросил последний взгляд на четвёртый индикатор «Наката». Тот по-прежнему сохранял свою таинственную темноту.

Глава 2. Восточно-Китайское море. Хитроумный помощник и мучения команды

*Жизнь – мираж из странных снов,
Свет обманчивых миров.
Правда здесь калекой стонет,
Ложь царём сидит на троне.
Ну а люди? Просто злятся
Иль беспечно веселятся,
Или рвут на части Шар Земной.
О-ё-ёй! О-ё-ёй!
И гром гремит над головой!*

*Строки из песни «И гром гремит над головой» (автор песни: Олег Спицын), альбом №3
«Странствующие менестрели»*

Прошло ещё несколько суток. Б-397, всплыв из морских глубин тёмной ночью, идёт в надводном положении уже по Восточно-Китайскому морю. Дадим краткую информацию о географическом положении этого водоёма.

Восточно-Китайское море – это окраинное морское пространство, входящее в акваторию Тихого океана. На севере его волны бьются о берег Южной Кореи, на востоке и северо-востоке оно омывает скалистые берега Японии, а точнее, остров Кюсю; на северо-западе оно плавно переходит во внутреннее для Китая Жёлтое море; вдоль восточного побережья материкового Китая простирается вся западная часть Восточно-Китайского моря; на юго-западе оно соединяется с Южно-Китайским морем, выходя к северо-восточной части острова Тайвань; а на юге и юго-востоке граничит с японским архипелагом Рюкю, отделяющим этот водоём от открытого Филиппинского моря.

Чем дальше Б-397 уходит от родных берегов, тем больше вокруг неё становится недругов. Подлодка теперь как бы находится в их кольце, ведь тот же Китай на данном этапе мировой истории из когда-то дружественной страны по отношению к СССР превратился во враждебное государство. А что же тогда говорить о Южной Корее, Японии и Тайване, политика которых всегда полностью зависела от США, а те, как всем известно, сразу по окончании Второй мировой войны главным своим геополитическим противником назначили Советский Союз. Теперь именно он мешал американцам в их империалистической экспансии на просторах Земного шара.

Но самые опасные враги Б-397 «окопались» на юге и юго-востоке Восточно-Китайского моря и, соответственно, в северо-западной части безбрежных просторов Филиппинского моря. Лодка как раз и направляется в эти просторы. В Индо-Тихоокеанском регионе расположено немалое количество военных баз США, но больше всего их дислоцировано на двух архипелагах этих морей: островах Рюкю, которые находятся уже неподалёку, прямо по курсу Б-397, и чуть дальше – на Марианских островах.

На Окинаве и Гуаме, самых крупных островах этих архипелагов, располагается не менее двух десятков крупных военных объектов, обслуживающих корабли и морскую авиацию Седьмого американского флота. Эти две мощные военно-морские базы, скорее всего, и являются для Б-397 основными целями для атаки в случае начала крупномасштабного военного конфликта.

Надо сказать, что недруги СССР тоже опасаются его подводного флота. Советские субмарины в просторах Мирового океана на протяжении двух последних десятилетий были поистине вездесущи и неуловимы, причём начиная с конца пятидесятих годов XX столетия стали вооружаться термоядерным боезапасом. Поэтому США вкладывали и вкладывают огромные силы и средства в защитное оборудование своих баз, постоянно оснащают противолодочные корабли и самолеты новейшей поисковой аппаратурой.

В настоящее время (во второй половине семидесятых годов) большинство советских подлодок, несущих боевую службу в водах Тихого и Индийского океанов, – дизель-электрические. Американцы называют эти наши субмарины «чёрными дырами», ведь их обнаружение под водой является настоящей проблемой. Они хорошо вооружены, бесшумны, не оставляют радиоактивного следа и управляются опытными командирами.

Однако дизельным подлодкам во время походов требуются регулярные всплытия в надводное положение, поскольку несение боевой службы сопутствует осуществлению разведывательных миссий у баз США. Кроме того, именно во время всплытий устанавливается бесперебойная радиосвязь с командованием флота.

Но помимо этих важных обязанностей, всплытия на поверхность моря необходимы дизельным подлодкам для подзарядки аккумуляторных батарей. Вот эти самые подзарядки как раз и являются ахиллесовой пятой советских дизель-электрических субмарин, – и враги это знают очень хорошо.

Б-397 всплывает постоянно с наступлением темноты, стараясь оставаться визуально невидимой для посторонних глаз. Но, как мы уже знаем из предыдущей главы, одна лишь природная тьма для подлодки абсолютной защитой быть не может. Поэтому Бенгалик, являясь командиром отделения радиометристов, львиную долю времени в надводном положении лодки проводит на БП Р-32.

И вот теперь, с десяток минут пообщавшись с друзьями на свежем ночном воздухе в ограждении Рубки, он вновь направил стопы на свой БП для заступления на очередную вахту.

– Что нового, Ерёмушка? – зайдя в рубку, спросил он у сменщика, сидевшего напротив «Наката».

Тот, повернувшись к командиру отделения, передал ему наушники:

– Вот послушай сам, Алик. Где-то пятнадцать минут назад на третьем индикаторе появился сигнал новой РЛС. По-моему, она корабельная.

Бенгалик, надев наушники, стал внимательно вслушиваться в новые сигналы.

– Да, тут ты, похоже, прав: носитель этой станции – военный корабль. Правда, он далеко от нас – импульсы слабые... На Мостик докладывал?

– Так точно. С Мостика приказали сообщать о них регулярно, но уже после двух моих докладов сигналы вроде стали понемногу затухать.

– Ясенько, – задумчиво молвил Бенгалик, снимая наушники, – осназовцы докладывали на Мостик о перехвате радиogramмы с американского корабля Седьмого флота. Он болтается где-то между Гуамом и Сайпаном, а ещё я заметил, что лодка вроде идёт уже не тем курсом, что прежде.

– Наверно, на Мостике сравнили мои доклады с сообщениями осназовцев, и командир принял решение о смене курса? – предположил Ерёмка. – Верно, Алик?

– Нам об этом судить трудно, но, возможно, это так. Сигналы на третьем индикаторе, скорее всего, и есть работа радара этого корабля. Думаю, в первый момент его оператор нас не заметил, а теперь янки нас не видят ещё и потому, что мы от них стали отдаляться, а далёкая подлодка из-за низких надводных бортов на экранах РЛС плохо различима. Ладно, Толя, иди отдыхай.

Сменщик ушёл, а Бенгалик, снова надев наушники и усевшись перед «Накатом», стал наблюдать за сигналами, появляющимися на его индикаторах. Пока что их «поведение» особого беспокойства не вызывало. Лодку сильно раскачивало на волнах, но Бенгалика, на которого не влияла качка любой амплитуды, больше беспокоили жара и жажда. Работающий «Накат» постоянно извергал в тесное помещение рубки тепло, сравнимое с жаром раскалённой печки, а бытовой вентилятор, взятый Аликом в поход, вчера неожиданно сломался. Попытки его отремонтировать успеха не имели.

Высокая температура – именно её постоянный прессинг оказался в дальнем плавании самым тяжёлым испытанием как для метристов, так и для всех остальных матросов команды. Пока шли через Японское море, всё было относительно неплохо. Правда, в подводном положении температура в отсеках лодки из-за работающего оборудования заметно повышалась, но, когда Б-397 всплывала по ночам, корабельная вентиляция начинала гнать через неё прохладный воздух, и экипажу сразу становилось комфортнее.

Однако по мере приближения к тропическому лету и чем ниже Б-397 спускалась к тропику Рака, тем всё более жаркой и душливой становилась атмосфера в отсеках. Корабельная и бытовая вентиляция от жары теперь мало помогали. Вода в море тоже была горячей и, прилично нагревая корпус подлодки, воздействовала на температуру внутри неё.

Команда страдала от постоянной жажды. Потребление питьевой воды для неё ограничили – командование лодки её запас экономило на случай чрезвычайных обстоятельств, например, приказа из штаба флота о непредвиденном ранее продлении сроков похода. Но при этом – вот что значит пунктуальное следование уставам и положениям! – на обеды и ужины экипажу ежедневно готовились разнообразные наваристые супы, на которые уходило громадное количество воды. Вот только все эти супы матросы практически не ели: многие – из-за морской болезни, но большинство – из-за жары и жажды. Попробуйте-ка поесть наваристую пищу, когда ваши внутренности сводит судорогой от нехватки питьевой воды!

Поэтому во время приёмов пищи каждый из матросов лишь жадно выпивал выделенную ему кружку жидкости (чая, киселя или компота), а все несъеденные командой супы в конце каждого дня безжалостно утилизировались. Однако уже на следующее утро молодой кок Витя, вконец измученный тяжёлой готовкой этих супов, варил на жарком корабельном камбузе новый суп, 85% которого этим же вечером также благополучно уничтожилось.

Возможно, эти 15% супов съедались офицерами и мичманами, которые после своих вахт отдыхали в более комфортных условиях, чем матросы, при установленных во всех помещениях второго отсека бытовых вентиляторах и кондиционерах. При этом они могли без особых ограничений пить чай в офицерской кают-компании.

А что касается матросов, то они с поистине сердечным трепетом ждали объявления о четвёртом приёме пищи – вечернем чае. Во время этой трапезы ребята к положенной им кружке чая получали ещё и добавочную порцию одного из трёх жидких деликатесов: яблочного сока из полулитровых жестяных баночек или фруктового компота из таких же жестяных, но уже литровых банок. Иногда команде на каждый бак выдавали по бутылке сухого вина.

Вот только такое счастье улыбалось страждущим морякам далеко не каждый вечер. Дело в том, что незадолго до отправления в дальний поход, при погрузке этих жидких деликатесов на Б-397, небольшой их процент был матросами позаимствован для дегустации (не более одного-двух процентов).

Подобные «дегустации» постоянно случаются на любых кораблях военно-морского флота, но всё дело в том, что на тех судах никогда не служил и по-прежнему не служит такая энергичная персона, как помощник командира подлодки Б-397 старший лейтенант Тишков. Через пару суток после последней погрузки провизии командир лодки вдруг объявил о срочном собрании команды, на котором с сенсационной речью и с блокнотом в руке, густо исписанным цифрами, выступил «праведно разгневанный» помощник.

Оказывается, по подсчетам «математически продвинутого» старлей, при последней погрузке провизии командой было якобы украдено не менее 40% банок с соками и компотами. Но что особенно потрясло моряков, так это то, что, оказывается, по причине их «виртуозного воровства» была выявлена колоссальная недостача двух самых деликатесных продуктов: 80% сухого вина и почти 90% черничного варенья!

Покончив с ролью дотошного следователя и напустив на себя вид завязтого прокурора, Тишков стал ораторствовать о том, что «вороватые матросы» должны теперь пенять только на себя: во время похода дозы сока, компота, вина и варенья будут для них строго ограничены. Все члены команды на том собрании, потеряв всякий дар речи, ошеломлённо переглядывались между собой.

Да, было такое дело: две или три банки черничного варенья из нескольких ящиков с этим деликатесом были «грузчиками» изъяты и в тот же день всей командой коллективно распробованы. Это варенье из лесной ягоды оказалось очень вкусным, ароматным кушаньем, вот только его потери по причине некоего «воровства» на фантастические 90% никак не тянули. Может, эти деликатесы кто-то выкрал помимо них?

Вся команда с надеждой взирала на своего справедливого командира, но тот при словах Тишкова только с печальным видом осуждающе кивал головой. Кристально честному офицеру и благородному человеку, не привыкшему к такому коварству, было трудно понять суть интриг своего «бдительного» помощника.

Надо сказать, что и Бенгалик тогда в умыслы Тишкова въехал не сразу, но ещё во время собрания у него возникло убеждение, что дело тут нечисто. Хитроумный старлей, которому он в первый же день знакомства дал прозвище «Инквизитор» (повесть №4, глава 12), явно «химичил»: весь экипаж и благородного Папу в отдельности он откровенно водил за нос! Вот только какую конкретную цель он преследовал своим обманом, Алик тогда ещё не знал. Он мог о ней лишь догадываться.

Метрист имел право на такие подозрения, так как был опытным матросом, прошедшим суровую школу флота. К тому же он знал помощника командира как облупленное индюшиное яйцо. Кстати, не он один подозревал Тишкова в должностном преступлении: мотористы призыва Алика откровенно, во всеуслышание говорили, что помощник хочет что-то поиметь за счёт матросов, а в самом походе стали утверждать о его подлости и коварстве со всё возрастающим негодованием. Ребята в жарком, как баня, дизельном отсеке изнывали от жажды сильнее всех других членов экипажа, поэтому помощник, оставивший их без спасительных напитков, с каждым днём похода всё больше и больше вызывал в них ярость.

Дело дошло до того, что когда Тишков по связи «Каштан» объявлял об очередном приёме пищи, то ему в ответ из пятого отсека, в виде благодарности, стали потоком нестись дружные матросские ругательства. В скором времени к почину разъярённых мотористов присоединились и все остальные отсеки подлодки, и старлей, замешкавшись после своих объявлений с быстрым исключением «Каштана», мог уже слышать в адрес своей хитроумной персоны истинные громоподобную «признательность» всей команды. И чего греха таить, эта признательность выражалась матросами от всего сердца, на виртуозном флотском сленге и в самых крепких выражениях.

Глава 3. Штормовое Филиппинское море. Начало шахматных приключений

*Своей дорогою пойдём –
Не зря свободу мы любили.
Может, банк лихой сорвём
Однажды в сумасшедшем стиле.
В Книге Судеб навсегда
Наш сохранится Рваный Лист,
И нам без разницы тогда,
Путь жизни гладок иль тернист!*

*Строки из песни «Пусть нас всегда хранит Всевышний» (автор песни: Олег Спицын),
одноимённый альбом №10*

Лодку сильно раскачивало на крутых волнах Филиппинского моря. Б-397 шла по нему уже третьи сутки и, всплывая каждую ночь, всякий раз оказывалась в объятиях сильного шторма – примерно от семи до девяти баллов по шкале Бофорта. Многие матросы, мучаясь от жары и жажды, стали ещё и сильно страдать от морской болезни.

Торпедист Баясхал Урбагаров, друг и сослуживец Бенгалика ещё по Б-213, при каждом всплытии лодки от такой сумасшедшей качки почти сразу валился на лежак, который постоянно пребывал возле задней крышки одного из торпедных аппаратов. При этом вид бурята с каждым часом становился всё более бледным, и вскоре он не мог даже голову с подушки-валика приподнять.

В той или иной степени страдали от морской болезни и акустики: Петренко, Савельев, Ананичев и Тарасюк. Пётр, как только лодка оказалась в Филиппинском море, стал в основном заступать на вахты по готовности два подводная, а по готовности два надводная, как и Баясхал, большей частью отлёживался.

Хотя члены БП Р-22 несли свои вахты как в надводном, так и в подводном положении лодки, всё же их коллектив состоял из четырёх опытных специалистов, и если вдруг у кого-то из них ухудшалось самочувствие, то они в рамках взаимовыручки всегда могли подменить друг друга. В этом плане у метристов всё было несколько сложнее, ведь их на БП Р-32 было всего двое. Но что касается Бенгалика, то на его самочувствие самая сумасшедшая качка не оказывала никакого влияния. Да и на состояние Ерёмки «филиппинские качели» тоже никак не воздействовали.

Можно сказать, что Алику с напарником повезло, ведь в море основная служба метристов как раз и начинается с момента всплытия лодки в надводное положение (начиная с перископного). Теперь, вспоминая, как просил командование Б-397 и девятнадцатой бригады на время похода вернуть на лодку Лазарева, он радовался, что начальство тогда не пошло ему навстречу, ведь у Максима приступы морской болезни начинались примерно с шести-семи баллов.

В настоящее время на боевом посту Р-32 находился только что заступивший на вахту Толик Еремеев, а сменившийся Бенгалик шёл проводить своих друзей-мотористов. В принципе, он направился в пятый отсек, чтобы встретиться с Василием Мурашовым, которого с неделю назад взялся обучать шахматному искусству, передавая ему все свои знания по этой интеллектуальной игре.

Дело в том, что за пару дней до этого обучения заместитель командира по политчасти, старший лейтенант Жарков, объявил всем морякам подлодки о начале запланированных им двух шахматных соревнований внутри экипажа Б-397. Один из турниров он решил провести по круговой системе только среди матросского коллектива, а параллельно с первым организовал и другое соревнование – среди офицерского и мичманского составов.

Бенгалик первое время не интересовался, как мичманы и офицеры восприняли известие о своём шахматном состязании. Он лишь обратил внимание, что почти все матросы встретили новость о турнире с воодушевлением. И надо сказать, у ребят были для этого причины.

Во-первых, любые соревнования – это увлекательное зрелище, тем более что шахматный турнир помог бы морякам скрасить тяжелые будни морской службы, отвлечь от напряжения вахт и заставить хотя бы на время позабыть об удушливой жаре и мучительной жажде.

Во-вторых, некоторым ребятам хотелось проверить свои духовные силы и умственные способности в этой настольной игре, в те времена очень популярной в СССР. К тому же некоторые моряки надеялись всерьёз научиться играть в шахматы, а кто-то – хорошенько отточить уже имевшиеся навыки.

В-третьих, тем, кто займёт первые три места, замполит обещал выдать призы. Победителю матросского турнира было гарантировано получение приза, состоящего из двух больших жестяных банок персикового и абрикосового компотов, а к ним в придачу ещё две небольшие баночки яблочного сока. Двум другим призёрам были обещаны награды объёмом поменьше, но и эти шахматисты не остались бы в обиде.

Вот это последнее обстоятельство и вызвало у тех, кто хоть немного умел переставлять фигуры на клетчатой доске, особый интерес. На участие в турнире записалось восемь матросов. Каждый из них, считая себя неплохим знатоком шахмат, надеялся, что именно ему достанется один из трёх призов.

Что касается Бенгалика, то он в своем успехе мало сомневался. И на то были основания. В умственные игры он начал играть уже с четырёх лет. Сначала старшие родственники по отцу стали иногда поигрывать с ним в шашки, а с пятилетнего возраста уже отец стал ежедневно играть с ним в шахматы, которые считал гениальным изобретением человечества. К увлечению Алика (да и второго сына) подвижными видами спорта он почему-то относился равнодушно, хотя постоянно болел за спортивные команды как родного города, так и всей страны, наблюдая за их игрой с трибун стадионов или сидя у экрана телевизора.

А надо сказать, что подвижные спортивные игры имели поистине огромную популярность у советского народа – и у взрослых, и у мальчишек. Почти вся молодёжь в той или иной степени играла в баскетбол, футбол и хоккей (в последний играли и в коньках, и в обычной зимней обуви), но особенно советские люди всех возрастов любили по выходным дням играть в волейбол – и через сетку на площадке, и в круге на пляже.

Алик тоже увлекался спортивными играми, особенно футболом и хоккеем. В хоккей в его дворе в той или иной степени играли почти все мальчишки, некоторые из них в дальнейшем даже пробились в основной состав новосибирского клуба «Сибирь», ведущей команды Новосибирска. В одно время он хотел пойти по их стопам, но не сложилось.

В футболе, имея от природы хорошую реакцию, он чаще стоял на воротах, поэтому в какой-то момент даже принял предложение сыграть вратарём в официальном соревновании по гандболу за одну любительскую команду Новосибирска. Сыграл он за неё довольно удачно: эта команда, во многом благодаря его надёжной игре в воротах, смогла занять в том турнире почётное третье место. К сожалению, в дальнейшем она неожиданно прекратила своё существование, что лишило нашего героя карьеры гандболиста. Какой-то другой команде предложить свои вратарские услуги он постеснялся.

Спортивной карьерой юного Алика мог бы помочь его отец. Однако он относился к категории людей, отвергавших собственное участие в подвижных видах спорта, поэтому и сыновей

в их начинаниях не поддерживал. А вот умственные игры – другое дело, потому что в них он мог в любой момент сыграть и сам, и довольно неплохо. Они не требовали от него каких-либо регулярных физических тренировок.

Вот он и постарался приобщить сыновей именно к таким играм. В последующие годы Алик и его брат, уже неплохо играя практически во все популярные подвижные игры, ещё и серьёзно увлеклись играми интеллектуальными. С юного возраста постоянно выискивали и покупали в книжных магазинах Новосибирска все выпускавшиеся тогда в СССР печатные издания по теории шахматных дебютов, а потом, используя любое свободное время, садились за их изучение.

Таким образом, они последовательно рассмотрели сначала открытые дебюты: Защиту Двух Коней, Италианскую партию, Королевский гамбит, Северный гамбит и другие начала. Потом нашли книги по теории закрытых дебютов: Староиндийской защите, Ферзевому гамбиту и другим. Однако Алику больше нравились открытые начала, особенно острокомбинаторная Защита Двух Коней, с изучения которой у него и началось серьёзное увлечение шахматами.

Он даже успел выступить в паре небольших городских турниров, но с карьерой спортсмена-шахматиста ему также не повезло: шахматные занятия пришлось прекратить по ряду независимых от него причин, в том числе из-за призыва на флот.

И вот теперь его приключения на шахматном поприще, прерванные «безжалостной» службой, получили своё неожиданное продолжение в этом дальнем плавании. У него появился реальный шанс проявить свои способности, чтобы выиграть редкий для любителя шахмат турнир в бескрайних просторах Тихого океана, сорвать, так сказать, свой банк, и было бы глупостью не воспользоваться таким шансом.

Бенгалик взялся за шахматы с прежним юношеским энтузиазмом и первых трёх противников на турнире обыграл абсолютно без напряжения, не оставив им каких-либо шансов на контригру. Против первого из них, кока Андрея Вербицкого, он, играя как белыми, так и чёрными фигурами, избрал Италианскую партию. Против второго противника, Васи Мурашова, он разыграл белыми фигурами Центральный дебют, а играя чёрными – Защиту Двух Коней. А третьего своего соперника, с позывным «Кабан», Бенгалик ввёл в настоящий ступор, пожертвовав ему лёгкую фигуру чёрного цвета и пешку в той же защите Двух Коней, а играя белыми, неожиданно для противника разыграл Королевский гамбит с жертвами двух пешек и матовой атакой на чёрного короля.

Благодаря лучшему знанию шахматной теории и предыдущему практическому опыту в соревнованиях, метристу удавалось в каждой из партий организовывать мощное давление на королевский фланг противников, а затем и ставить им мат всего за какие-нибудь пятнадцать-двадцать ходов, приводя в восторг наблюдавших за его игрой зрителей, которые уже перестали сомневаться в том, кто в матросском турнире является фаворитом.

Но, честно говоря, в шахматной игре все три соперника Алика оказались значительно слабее его – и не только в теории дебютов. Было видно, что каждый из них просчитывал варианты продолжения игры не более чем на два хода вперёд. А вот дальше всё стало гораздо интереснее. Первые два соперника Бенгалика, сразу после своих проигрышей, обратились к победителю с просьбой стать их учителем в шахматном искусстве, и он тут же выразил согласие.

Поступить иначе Алик не мог, да и не захотел, ведь кок Андрей Вербицкий был его старым товарищем ещё со времён службы на Б-213, а к Васе Мурашу, своему годку и другу, творцу, создавшему незабываемого «Покорителя морей» (повесть №4, глава 12), у него вообще было особое отношение. Помогать своим друзьям в их самосовершенствовании – разве не большое дело? К тому же более высокое мастерство участников турнира влияло на статус соревнования и повышало к нему всеобщий интерес, а если к шахматной удаче Бенгалика ещё прибавится успех его учеников, то это уже станет его тройной личной заслугой.

И вот к настоящему времени его ученики, проиграв в начале турнира только своему будущему учителю, затем сыграли со стопроцентным результатом против двух следующих противников. Надо ли говорить, что метрист радовался успехам друзей-учеников не меньше, чем собственным. Особенно его удивило, с какой лёгкостью и быстротой постигал шахматное искусство Мураш. Трудоголик Василий, как теперь выяснилось, был талантлив и упорен во всём, за что бы ни брался.

– Салют, Алик, – обратился к метристу вахтенный моторист Саша Ерёменко, увидев его в проёме переборочной двери, – если ты пришёл к нам погреться, то лучшего места для этого не сыщешь! – И спросил с саркастической усмешкой:

– Скажи, братан, а ведь правда в нашем отсеке хорошо? Тепло!

Пятый отсек Б-397 своей температурой и влажностью напоминал хорошо протопленную русскую баню. Вот только посетители парной находятся в ней от трёх до пятнадцати минут, а затем без ограничений могут обливаться ледяной водой и выпивать большое количество разнообразной жидкости.

А матросы-мотористы в своей «парной» были вынуждены находиться много часов, причём были лишены даже минимальной для них нормы необходимой жидкости. Правда, моряки ежедневно посещали душ шестого отсека, но в последнее дни забортная вода, как и всё на лодке, тоже стала горячей. Просто один из двух кранов в душе вообще мог выдавать крутой кипяток. Лицо и тело Ерёмы, бывшие и до Похода худыми, за последнюю неделю совсем ото-щали. Бенгалик заметил на лбу мотыля крупные капли пота, медленно сползавшие к щекам и подбородку.

– Да, Сашок, у вас тут замечательно, – подхватил Бенгалик сарказм Александра, – пока шёл к вам по другим отсекам, то от холода прямо трясся, даже нос опасался отморозить!

– У нас твоему нежному носику обморожение не грозит... – Саркастическая усмешка с лица Ерёмы постепенно исчезла, но его черты всё равно не потеряли обычного насмешливого выражения. Мотыль, стерев пот со лба правой рукой, тихо произнес:

– Ладно, Алик. Ты, конечно, пришёл к Васильку? Твой ученик – в седьмом отсеке, кроет матом очередного умника.

– Кроет матом «умника»? – улыбнулся Бенгалик словам завязатого шутника. – Пойду-ка гляну, как это у него получается.

Он быстрым шагом направился в кормовой отсек лодки. Зайдя туда, он тут же увидел компанию моряков, расположившуюся вокруг стола, стоявшего по центру отсека, и наблюдавшую за шахматным сражением, которое вели мотыль Мурашов с трюмным Ситниковым.

Накалу этого сражения не могло помешать даже семибалльное «волнение» моря. При бортовых наклонах корпуса лодки шахматисты успевали подхватывать доску, не давая фигурам с неё свалиться.

Бенгалик, приблизившись к столу, увидел, что игра уже близка к завершению: многочисленные белые фигуры Мураша загнали одинокого короля Ситника в правый угол доски. Трюмному давно следовало сдаваться, вот только поголовно все моряки команды слово «сдаюсь» для себя категорически отвергали, видимо, считая словесное признание своего поражения чем-то вроде унижения своего флотского достоинства.

– Мат, – негромко молвил Василий, двинув ладью на последнюю горизонталь.

Все болельщики зааплодировали, одобрительными возгласами выражая радость его очередной победе. Ситник, огорчённо вздохнув, пожал победителю руку. Бенгалик подошёл к Мурашу:

– Поздравляю, Вася. Теперь у тебя три общие победы с шестью выигранными партиями – по очкам ты сравнялся со мной.

– Надолго ли? – улыбнулся мотыль. – До очередной твоей игры? Мне бы занять второе или третье место! Вот только следующие мои игры будут против двух ребят из лидирующей группы.

– Надеюсь, всё равно займёшь второе, – выразил уверенность Бенгалик, – с каждым разом твоя игра становится всё лучше. Что разыграл против Ситника?

– Чёрными – снова Защиту Двух Коней, а белыми – Центральный дебют, в этих началах я как-то уверен больше всего. До игры планирую сыграть что-то другое, но как начинаю играть, так думаю: и зачем мне лишние сложности? В игре с Ситником – как ввёл в игру ферзя в Центральном дебюте, так сразу и мазь пошла!

– Ты стремишься сразу же в начале игры вводить в игру ферзя и создавать за счет него преимущество, – согласился учитель, – но такие дебютные маневры главной атакующей фигурой проходят далеко не всегда. Пробуй каждый раз разнообразить игру, ведь ты на занятиях со мной легко играл разные дебюты.

– Пробовать-то хорошо-о, – задумчиво протянул Мураш, потрепав волосы на затылке своим привычным жестом, – вот только из-за таких проб можно потерять баллы. Другой дебют у меня может не пойти, а Мот отстаёт от меня всего на пол-очка, прямо в затылок дышит! Да и Верба уже сегодня может сравняться со мной по очкам.

– Вася, Андрей уже знает, что белыми ты почти всегда играешь Центральный дебют, а чёрными предпочитаешь Защиту Двух Коней, – решил по-дружески предупредить Мураша Бенгалик, – вот и попросил меня получше натаскать его по этим дебютам. А с Мотом могу уже сегодня сыграть, постараюсь выиграть у него обе партии, чтобы больше не дышал в твой чувствительный затылок!

– Алик, ты действительно будешь учить Вербу играть против Васи? – поинтересовался у метриста Техзиб, сидевший поблизости от беседующих. – Лучше научи Мураша, как лучше играть против кока!

Бенгалик отрицательно покачал головой:

– И Вася, и Андрей – мои ученики. Никого против любого из них учить не собираюсь.

– Погоди-ка, Алик, – не унимался мотыль, – скажи честно: кто из учеников тебе дороже? Неужто нашего Васю ты променяешь на кока с другого призыва? Верба, обыграв его, захапает наш компот!

– Ну ты бескорыстная, тётя! – рассмеялся метрист, а потом добавил в рифму:

– Погрязла всей попой в компоте! И что значит – «променяешь»?

– Да прекрати ты, Лёха! – вмешался Мураш. – Алик тебе сказал, что Андрей тоже его ученик! Кого на кого ему менять? И вообще, причем тут «наш компот»?

В седьмой отсек зашли акустики Пётр Савельев и Ваха Петренко. Последний держал в руках блокнот с таблицей турнира.

– Как в седьмом душно! – сразу посетовал Мамочка с недовольным видом. – Тут даже дышать невозможно – как вы только играете?!

– Он хуже других вентилируется, это же концевой отсек, – ответил Василий привередливому акустике. – Мы-то что? Тут у ребят по телу вообще пошли какие-то пупырышки!

Бенгалик пригляделся к обитателям седьмого отсека. У многих ребят на теле действительно появилась какая-то мелкая красная сыпь, похожая на крапивницу.

– Ты прав, – ответил Ваха Мурашу с озабоченным видом, – надо об этих пупырышках доложить врачу. Но сейчас перейдём к шахматным делам. Значит, ты сегодня тоже выиграл? И тоже в двух партиях? Хорошо... – Акустик авторучкой поставил в турнирной таблице напротив фамилии мотыля пару единичек. – Вася, ты по-прежнему в тройке лидеров турнира!

– Да, – расплылся Техзиб в широкой улыбке, – мы с Васей такие!

Похоже, Лёха все победы Мураша приписывал исключительно своей «руководящей роли». А Бенгалика больше заинтересовала обмолвка акустика:

– Тоже выиграл? А кто ещё сегодня выиграл?

– Вербицкий. Он тоже твой ученик? У тебя, кстати, сегодня поединок с Мотовиловым. Или ты хочешь сначала сыграть с Болгарином?

– По мне, пусть лучше будет Мот... он может Лёхин съесть компот! – снова шутливо сим-провизировал Бенгалик, но, взглянув на Лёху, заметил, что тот после его слов как-то напрягся.

Похоже, предприимчивый Техзиб, услышав фразу про «компот», всерьёз заволновался, ведь вероятный проигрыш метриста одному из лидеров турнира мог поставить на всех его фруктово-оранжевых мечтаниях большой чёрный крест.

– Так, – задумчиво молвил Петренко, – ты сегодня сыграешь с Жорой, в настоящий момент только он может потеснить тебя с первого места, ведь другие лидеры тебе слили. Минут десять назад я спрашивал его насчёт игры с тобой, и он сказал, что готов играть хоть прямо сейчас. В бой так и рвётся!

– Рвётся в бой? – оживился Бенгалик. – Тогда зовём его сюда!

– Только не в седьмой! – взволнованно воскликнул Мамочка. – Пойдёмте лучше в первый отсек, там легче дышится, и на его настиле шахматная доска будет гораздо устойчивее.

– Точно, для шахмат не будут такими критичными эти хреновы крены, – согласился с коллегой Ваха. – Алик, согласен?

Метрист кивнул, соглашаясь.

– Да, двинули в первый, – в один голос выразили согласие и все три мотыля. – Поболеем за Бенгала!

– Гляди, Алик, тебе обеспечена многотысячная поддержка болельщиков! – улыбнулся Петренко. – Смотри, не подкачай!

Все присутствующие одобрительно засмеялись, а Техзиб ещё и ободряюще похлопал Бенгалика по плечу. Но не только он – все ребята понимали: очередная победа метриста увеличивала шансы Мураша на завоевание одного из призовых мест. А какое место Вася займёт в конечном итоге – это уже зависело от него самого.

Бенгалик чувствовал душевный подъём. Находясь в таком настроении, не только он, но и все его товарищи легче переносили невзгоды похода: напряжение вахт, сумасшедшую качку, тропическую жару и сопутствующую ей жажду. Ему оставалось только не подвести ребят, так в нём уверенных.

Глава 4. Ловушка Шпилера в варианте Дракона. Надёжная Защита Двух Коней

Первая партия с Мотовиловым неожиданно оказалась для лидера турнира сложной. Точнее, она стала для него самой трудной на турнире. Поединок с Мотом он начал белыми фигурами, не сомневаясь, что сейчас в очередной раз разыграет против соперника какой-нибудь из открытых дебютов. Встав перед доской, он, не задумываясь, сразу же сделал первый ход королевской пешкой на две клетки вперёд. И тут-то его ждал первый сюрприз: соперник ответил ходом пешки от белопольного слона на c7, а после ответного хода Алика конём на f3, пошел вперёд уже ферзевой пешкой на d6.

«Сицилианская защита! – мысленно напрягся лидер турнира. – Вот же Змий подколотый! Он что, в ней подкован?!»

Да, в игре чёрными фигурами противник Бенгалика решил избежать открытого начала. По-видимому, Мотовилов, пришедший на Б-397 перед самым её отправлением в поход и, как оказалось, неплохо игравший в шахматы, наблюдая за игрой метриста с другими участниками турнира, пришёл к выводу, что тот со всеми противниками, неподготовленными теоретически, легко расправляется в основном потому, что применяет против них хорошо им изученные открытые начала.

А ещё Георгий заметил, что Алик не прочь поиграть и закрытые дебюты, а вот полуоткрытые начала в его исполнении он ни разу не увидел. Вот он и решил в первой партии чёрными фигурами навязать самоуверенному оппоненту свои условия игры, избрав вязкую Сицилианскую защиту.

Алика можно назвать «самоуверенным» уже потому, что он в минуты отдыха не изучал игру вероятных конкурентов, ни разу не побывав в роли зрителя ни на одной из их партий. А вот Мот по возможности изучал его манеру игры, а теперь ещё и угадал с дебютом: полуоткрытые начала Бенгаликом действительно были плохо изучены.

«Сицилианку» он до службы тоже намеревался всесторонне рассмотреть, но из-за начавшихся в жизни крутых перемен и связанной с ними нехватки времени ему пришлось этому началу уделить совсем немного внимания – лишь мельком просмотреть её самые известные варианты. И теперь во всех этих вариантах метрист помнил лишь несколько первых ходов, а дальше для него везде начинались сплошные «кустарниковые сицилийские джунгли».

Вот и сейчас, увидев, как соперник фианкеттирует королевского слона, он понял, что тот решил навязать ему так называемый вариант Дракона. Однако как в этом варианте эффективно играть белыми фигурами, вспомнить никак не мог. Даже наоборот, воспоминания о паре неудачных игр белыми фигурами против чёрного Дракона вызывали у него одни только отрицательные эмоции.

И сейчас они не давали ему возможности как следует сосредоточиться на игре, поймать её ускользающую нить. А ещё он слышал, как болельщики уныло шепчутся между собой, и постепенно их негативное настроение стало передаваться и ему. Конечно, ребята были разочарованы, ведь они в этой важной игре ждали от Бенгалика привычных атакующих комбинаций и скорой победы над очередным соперником. Причём победы им всем необходимой, ведь Мот, взятый на Б-397 лишь на время похода, заняв в турнирной таблице первое итоговое место, конкретно опускал в ней не только Алика, но ещё и дорогого их сердцу Васю Мурашова. И расстройство оттого, что он сейчас подводит друга-ученика, а вместе с ним и остальных ребят, напрочь лишило Бенгалика нужной ему в этот момент концентрации на игре.

Ещё в начале партии он сделал несколько тактических ошибок, увлечшись недостаточно подготовленной атакой на королевский фланг противника, при этом неважно развив фигуры на ферзевом. А теперь, расстроенный ходом не складывавшейся игры, пропустил по своему центру внезапный удар чёрного фианкеттированного слона.

Это стало для Бенгалика вторым неприятным сюрпризом, ведь, исходя из той же теории шахмат, его ошибка была из разряда детских: ему надо было изначально блокировать засадного слона своими пешками по его чёрной диагонали, а не бросать все силы в рискованную атаку на неприятельского короля. В результате один из его коней, занимавший активную позицию в центре доски, в какой-то момент «провис» (остался без защиты) – и тут же был атакован чернопольным слоном Мота.

Всего через ход Алик этого слона с доски убрал, но своей внезапной атакой «чернопольник» причинил ему тактический и материальный ущерб. Бенгалику, чтобы убрать с доски «взбесившегося» слона, пришлось пойти на невыгодный размен: отдать ещё одну лёгкую фигуру за него и пешку Мота. Так что теперь лидер турнира, в результате разменов приобретающего пешку, но потеряв фигуру, причём позиционно важную, был близок к поражению как никогда.

– Алик, ты что, сливаешь, что ли?! – услышал Бенгалик поблизости от себя возмущённый шёпот Техзиба. – Не вздумай этого делать!

– Не мешай ему играть, Лёха! – ответил Техзибу тихий, сердитый голос Мураша. – Ещё не всё потеряно, лишь бы ты над его душой прокурором не стоял!

Бенгалик осмотрелся – за игрой наблюдало восемь зрителей: три моториста – Мураш, Техзиб и Еврей; три акустика – Ваха, Мамочка и недавно подошедший Тарас; и два торпедиста – Фефел и Жидков.

Боря Урбагаров из-за морской болезни имел зелёный вид и с лежачего места подняться так и не смог. У Петра вид тоже был неважнецкий – он, похоже, всё ещё страдал от крутой океанской качки, но, видимо, в меньшей степени, чем бурят, поэтому и смог прийти в первый отсек поболеть за друга-метриста. Вся эта восьмёрка переживала за Алика, а у него игра не шла: мало того, что он плохо знал Сицилианскую защиту, так ещё и допускал обидные «зевки».

«Но Вася прав: ещё не всё потеряно. – Бенгалик, вернув взгляд на доску, постарался максимально сосредоточиться. – Надо прикинуть, где в позиции противника слабые пункты и какие у меня возможности для атак по ним. Так, мой ферзевый конь по-прежнему может более-менее свободно маневрировать в центре доски. Коварная фигурка, а Мот её почему-то не атакует. Задумал очередное коварство? Ага, а вот и это коварство! Хотя и мне тут можно сыграть хитро, надо лишь незаметно подтянуть конька. Мот наказал меня за детскую ошибку. Ничего не остаётся, как спровоцировать его на такой же просчёт».

И Бенгалик, сделав промежуточный ход конём, проворчал недовольным голосом, обращаясь к Техзибу:

– Ну что ты за человек такой, Лёха? Над душой всегда стоишь, даже не как прокурор, а как надсмотрщик негров! Сбил меня с мысли, и я снова сделал хреновый ход! Теперь ещё одну пешку теряю. Игра что-то совершенно не клеится, похоже, придётся сдаваться...

Все присутствующие, услышав эти слова, стали шёпотом гневно упрекать растерявшегося Техзиба, а на лице расслабившегося Мотовилова появилась довольная ухмылка. Пока Бенгалик снимал с доски его королевского слона, он успел атаковать ладьёй одну из его изолированных пешек. Теперь Мот решил, что его противник, расстроенный невыгодным разменом и бестактностью одного из болельщиков, умудрился «зевнуть» ещё и пешку. Но главное было в другом: не так страшен Бенгал, как его малюют!

– Извини, конечно, Алик, – Мотовилов, недолго думая, убрал ладьёй пешку с раскачивающейся доски, – но гроссмейстеры сдаются и в более выгодных позициях, чем у тебя!

– Извини, конечно, Жорик, – Бенгалик ответным ходом сделал «вилку» конём, атакуя одновременно и выскочившую в центр доски ладью противника, и его ферзя, – но я – не гроссмейстер!

Мот долго сидел с помрачневшим лицом, уныло созерцая создавшуюся на доске ситуацию, потом, подняв глаза на соперника, произнёс то ли с осуждением, то ли с восхищением:

– Ну ты и шпилер, Бенгал, – завлёл меня в ловушку «скинутой пешкой»!

– Каков есть, – пожал плечами Бенгалик, – надо же было как-то выкручиваться. Ты вот тоже использовал мою ошибку...

– Но я не прибежал к «звону»! – с жаром перебил Мот коварного «шпилера», намекая на его обращение к Техзибу. – Поэтому так и сыграл!

– Зато прибегаешь к звону сейчас! – в свою очередь рассердился Бенгалик на возмущённого оппонента. – Я силой, что ли, заставлял тебя сделать такой ход?! Может, твоей рукой двигал?! Жора, ты же вроде не фраер, так прекращай базар и делай ход, в конце концов! Или лучше сдавайся, как это делают твои любимые гроссмейстеры!

Ясное дело, зрители, присутствующие на игре, единодушно поддержали метриста и стали хоть и негромко, но настойчиво советовать «поклоннику гроссмейстеров» больше не тянуть резину и как можно скорее сдаваться. Однако Мот к их «мудрым советам» прислушиваться не стал и упрямо продолжил игру.

Однако после обидной потери качества ситуация на доске стала постепенно складываться не в его пользу. В эндшпиле партии Бенгалику удалось эффективно сыграть двумя ладьями, а затем, уже в самой её концовке, имея преимущество в лишнюю пешку, довести эту сложную партию до победы. А уже во второй партии, играя чёрными фигурами, он разыграл, как по нотам, один из острокомбинационных вариантов хорошо им изученной, а потому и надёжной для него Защиты Двух Коней.

Глава 5. Великолепная семёрка. Вопросы киноискусства. Ветер Странствий

*Ветер Странствий наполняет Паруса,
Улыбаются нам нежно Небеса:
Всем смертям идя наперекор,
Покоряем мы земной простор!*

Строки из песни «Ветер Странствий» (стихи: Олег Спицын – Владимир Печёркин – Алексей Спицын, музыка: Олег Спицын), альбом №10 «Пусть нас всегда хранит Всевышний»

По окончании игры Мураш предложил Алику и всем болельщикам пойти в пятый отсек, чтобы, как он выразился, «перед заступлением на вахту скромно отметить эту важную победу». Действительно, для метриста двойная победа над Мотовиловым была важной: ему оставалось сыграть лишь с тремя участниками состязания, и все они играли в шахматы гораздо слабее его. После выигранных партий у одного из лидеров турнира, чтобы потерять первенство, ему надо было проиграть половину оставшихся партий аутсайдерам, а в такой расклад никто не верил.

Победу пошли отмечать три моториста, два акустика и метрист-победитель. Торпедисты остались в своём отсеке – один находился на вахте, другой сослался на сильную усталость после своего дежурства, а Пётр Тарасюк всё ещё неважно себя чувствовал из-за приступов морской болезни.

Когда радостно возбуждённые болельщики с примкнувшим к ним вахтенным мотылём Ерёмой расположились в носовом отделении дизельного отсека, Мураш достал из своей потайной «шхеры» бутылку «Старого замка».

– Вот, братцы, – сказал он, разливая вино в семь кружек, – мы с ребятами решили сохранить пару «Замков», выданных на наш бак, чтобы потом этим винцом отметить какое-нибудь особое событие, типа моего призового места в турнире. Нас тут семь рыл, так что на каждого выходит по сто грамм.

– А зачем ты вино выставил сейчас? – поинтересовался Ваха. – Тебе, чтобы занять призовое место, надо ещё обыграть трёх противников, и двое из них – в группе лидеров.

– Да что там, – беспечно махнул рукой Вася, – благодаря сегодняшней игре Алика, у меня возросли шансы на второе место. Так что сейчас мы отметим и его победу, и одновременно выпьем за мои возросшие шансы.

– Выходит, мы разопьём «Замок» за успех Алика, так? – вмешался в разговор Техзиб, делая в уме какие-то расчёты. – Но он-то, заняв первое место, в любом случае получит приз больше нашего. Пускай уж тогда, став победителем турнира, поделится с нашим баком хотя бы одной... а лучше двумя баночками сока – в счёт компенсации за выпитое им наше вино!

Все присутствующие дружно расхохотались, подшучивая над крестьянской хваткой прижимистого мотыля.

– Алик, ты согласен на условия Лёхи? – поинтересовался Еврей, перестав смеяться.

– Вполне, – согласился Алик, – ведь только благодаря его «хитроумному наезду» мне и удалась в первой партии обыграть Мота. К тому же в теории варианта Дракона Сицилианской защиты появилась разновидность и от меня – «ловушка Шпилера»!

– Да, – усмехнулся Ерёма, не въехавший в сложные для него «находки в теории шахмат», но никогда не упускавший возможности подшутить над Техзибом, – наш Лёха хитрец ещё тот,

настоящий сицилиец! Сущий Дракон, выползший на Свет Божий из тёмных пещер Сицилии! Мир ещё никогда не видал такого ушлого проныры! Смотрите сами, где он, там всегда победа!

– Точно! – посмеиваясь, стали соглашаться с Александром другие моряки. – Только благодаря проныре Лёхе Вася и претендует на место в тройке, да и Алику он действительно помог сегодня выиграть. Теперь Бенгал прочно занял первое место.

– Я хоть и не бум-бум в шахматах, даже лошадьё ходить не умею, – продолжал прикалываться Александр, – но сейчас жалею, что не заявился на участие в турнире, ведь одно только Лёхино хитрющее присутствие на твоих играх уже гарантирует тебе итоговый приз! Причём с любого победителя он за его выигрыш обязательно требует себе приличную мзду. Остаётся верить, что и с нами он когда-нибудь поделится этой самой... мздой!

Все весело засмеялись, а Василий, приподняв свою кружку, промолвил с серьёзным видом:

– Братцы, Сашка шутит, но честно вам скажу: лично мне ваша моральная поддержка помогает во всём, и в шахматах тоже. Так что это вино я сегодня поставил, чтобы выпить и за Алика, и за Лёху, и вообще за всех нас. Пью за всех семерых здесь присутствующих!

– И я пью за нашу великолепную семёрку, – с улыбкой добавил Ерёменко, – братва, мы с вами что, не такие же «великолепные», как всякие штатовские ковбойские стрелки? Лично я с этим не согласен!

При этих словах Александра все снова рассмеялись, а Бенгалик погрузился в какие-то раздумья. В это время по связи «Каштан» было объявлено о заступлении на вахту первой смены, и семеро друзей, пожелав друг другу удачи, разошлись по своим боевым постам.

Алик уже полтора часа сидел напротив «Наката», созерцая его тёмные мониторы. Ни на экранах станции, ни в наушниках за это время не проскочило ни одного импульса. Вахтенный осназовец примерно с час назад докладывал на Мостик о перехвате радиогаммы с американского военного корабля, направлявшегося к Марианским островам, но в дальнейшем из рубки ОСНАЗ больше никаких докладов не поступало.

О самолётах США пока что вообще ничего не было слышно – звёздное тропическое небо в эту ясную ночь тоже никакими проблемами подлюдке не грозило. Однако вахтенному метристу всё равно каждые пять минут положено докладывать на командный пункт об окружающей радиолокационной обстановке.

Поэтому Бенгалик, на которого, от психологического расслабления после трудной игры с Мотом и последующего посещения пятого отсека, потоком нахлынули воспоминания, чтобы ненароком не пропустить время очередного доклада, решил довериться пунктуальности вахтенного акустика Ананичева.

И вот каждый раз, услышав со стороны ЦП негромкий, но отчётливый голос Барашка (позывной акустика): «Мостик, акустик, горизонт прослушан – шума нет», он примерно через пятнадцать-двадцать секунд в свою очередь докладывал на командный пункт: «Мостик, метрист, сигналов РЛС не наблюдаю».

А что, мониторы «Наката» ничего не показывали, и так было уже несколько вахт подряд. В наушниках – полная тишь, гладь да божья благодать, а если вдруг и проскочит какой-нибудь шальной импульс, то вахтенный метрист вряд ли его пропустит. Главное – от жары и усталости ненароком не провалиться в сон!

Время от времени почти все люди предаются воспоминаниям, всё зависит от того, насколько они им дороги и насколько какие-то события запомнились тому или иному человеку. Бывает, что некоторые люди о чём-то или о ком-то могут вспоминать всю оставшуюся жизнь. Что касается Бенгалика, то он ещё после первых слов Васи о «семи присутствующих в

отсеке», подумал о другой группе из семи парней, крепко сдружившихся всего лишь за одну неделю майского призыва на службу.

А когда Сашка упомянул ещё и о «великолепной семёрке», то на метриста Б-397 уже потоком нахлынули воспоминания о той дружной компании, которую он когда-то так и назвал: «Великолепная семёрка». А вместе с воспоминаниями об этой русской Семёрке герою саги пришли на память и те яркие приключения, которые ему довелось пережить в первые семь дней своего призыва на Тихоокеанский флот, начиная со дня прихода на призывной пункт города Новосибирска.

Читатели должны иметь в виду, что вахтенный Бенгалик события тех давних дней вспоминал отрывочно, прерываясь от них для докладов на командный пункт корабля и получая с него распоряжения. Однако автору саги, чтобы поведать читателям о «призывных приключениях» подробно, необходимо уделить воспоминаниям главного героя повестей гораздо больше времени, отвлекаясь от них по минимуму и лишь в ситуациях, стрессовых для экипажа Б-397.

Я уже брался за описание призывной эпопеи Алика в первом издании романа «Банда Бритоголовых Медведей», но в той книге, ориентируясь на её жанр с его широкими дозволенностями, мы с Алексеем Спицыным (моим соавтором «Банды») внесли в историю призывников приличный процент художественного вымысла.

Однако уже в этой повести, воспроизводя на её страницах воспоминания Алика, я намерен как можно точнее поведать о действительно произошедших событиях, по возможности опуская всякие вымыслы – и художественные, и публицистические.

Однако, чтобы показать панораму тех событий во всей их широте и полноте, мне иногда просто не обойтись без публицистики – некоторой доли философских размышлений на самые различные темы. Вот и перед рассказом о призывной эпопее мы уделим некоторое внимание таким темам, как киноискусство и киноманья.

Думаю, в нашей стране словосочетание «великолепная семёрка» известно практически каждому. Большинство киноманов, вспомнят, что «Великолепная семёрка» – название одного из американских вестернов, повествующего о приключениях семи отважных стрелков, нанятых за пригоршню долларов мексиканскими крестьянами для защиты своей деревни от грабительских набегов многочисленной банды злодея Кальверы.

В США этот фильм вышел в 1960 году (его ремейки внимания не заслуживают), а уже 3 июля 1962 года он вышел на экраны кинотеатров СССР. Стоит сказать, что в советской стране этот американский вестерн тогда приобрёл поистине сумасшедшую популярность – за сравнительно короткое время его успело посмотреть около семидесяти миллионов зрителей.

Думаю, такой интерес возник прежде всего из-за сюжета, необычного для советского кинематографа, ведь в СССР на «ковбойские» фильмы из США в те времена было наложено строгое табу. Короче говоря, почти все многочисленные вестерны с пометкой «Голливуд» являлись запретным плодом, а любой такой «фрукт» у обывателей не мог не вызывать повышенный интерес.

Также нельзя сбрасывать со счетов и заложенную в фабулу фильма идею бескомпромиссной борьбы за свободу угнетенных, самоотверженного стремления прийти на помощь другим людям во имя справедливости, причем практически бескорыстного, что очень импонировало отзывчивым советским зрителям.

И, конечно, многонациональный народ Советского Союза обратил внимание на выразительную игру актёров Голливуда: Юла Бриннера, Стива Маккуина, Чарльза Бронсона, Джеймса Коберна, Илая Уоллака и других. Подбор исполнителей для вестерна действительно оказался удачным.

Кстати, через несколько лет после проката фильма в кинотеатрах нашей страны (вскоре он был запрещён для дальнейшего показа авторитарным Н. С. Хрущёвым), среди советских зрителей пошёл слух, что оscarоносный актёр Юл Бриннер, сыгравший в «Семёрке» главного героя вестерна – стрелка Криса Адамса, в действительности является русским эмигрантом Юлием Борисовичем Бринером, родившимся в июле 1920 года в славном городе Владивостоке. Вторую букву «н» к своей фамилии он добавил для того, чтобы на Западе её не произносили как «Брайнер». После этого известия многим советским людям стало понятно, почему какие-то «американские ковбои» стали для них почти как родные.

Сюжет «Великолепной семёрки», как и у большинства известных вестернов, тяготеет к приключенческому жанру. Три главных героя фильма, демонстрируя способности, свойственные суперменам, выходят из всех опасных переделок без единой царапины. И хотя четверо их компаньонов остаются покоиться в сухой мексиканской земле, все эти покойники, по задумке авторов и сценаристов, относятся к второстепенным персонажам.

В результате таких хорошо продуманных замыслов и трюков большинство наших зрителей ещё в шестидесятых годах были покорены «Великолепной семёркой», ведь этот фильм одних киноманов порадовал впечатляющей игрой актёров, других – захватывающими приключениями, а третьих привлёк своим достаточно реалистичным сюжетом.

Хотя, надо сказать, в последнее время основная зрительская публика, избалованная фэнтезийными выдумками и изобретательными трюками деятелей киноиндустрии, почти не обращает внимания на реалистичность происходящего на экране. Публике гораздо интереснее фантазмагорические приключения героев (частенько из всевозможных компьютерных игрушек), которые могут по максимуму зацепить разгорячённое воображение и ощутимо пощекотать распалённые нервы.

А вот в реальной жизни большинство обывателей считают приключениями только лирические события и романтические путешествия, но уже без всякой непредсказуемой «фантазмагии», лишь бы эти моменты жизни были приятными для тела и психики. Драматические, а тем более трагические события своей судьбы чаще называют уже другими словами: проблемами, неприятностями, бедами, несчастьями, злоключениями. Попадая в сложные жизненные ситуации, большинство людей меньше всего склонны считать их приключениями.

Вот и Алик. Когда его сразу после майских праздников 1974 года призвали на действительную воинскую службу, то он, осознав, что ему по жизни, скорее всего, «маячат» три года флотской жизни, не был склонен считать такую жизнь комфортным путешествием или захватывающим романтическим приключением. Что было вполне естественно, ведь государство отправляло его туда, где его ждал повседневный ратный труд, причём по времени более длительный на треть, чем у большинства его молодых сограждан.

Точно так же мысленно и вслух рассуждали два его друга – Константин Медведев и Евгений Губанов, вместе с которыми ему повезло призваться на службу. Однако все трое друзей, в первый же день своего призыва, осознав, что теперь «в их Паруса дует Ветер Странствий», вскоре стали воспринимать всё происходящее с ними и вокруг них как некое приключение, правда, весьма необычное для гражданской жизни, безвозвратно оставшейся в прошлом.

Только всё это «приключение» характеризовалось тремя основными обстоятельствами: непрерывной чередой разнообразных событий, их непредсказуемостью и неопределённостью последствий каждого такого события. Эти три обстоятельства особенно сильное психологическое влияние оказывали в самом начале этого Странствия в Грядущее. Тем не менее Алик и его друзья между собой решили, что им по возможности надо держаться вместе и, невзирая ни на какие трудности, идти наперекор любым проискам судьбы.

Глава 6. Театральная и Холодильная. Эшелон на восток. Синдбад-мореход

*О, Синдбад-мореход!
Шёл он смело в каждый поход.
Жизнь прекрасна на Земле,
В бурях, штормах и во мгле,
Но всех лучше – солнца восход!
И я верю в Солнца Восход!*

Строки из песни «Синдбад-мореход» (автор песни: Олег Спицын), альбом №3 «Странствующие менестрели»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.